

Тургеневские юбилеи в культуре памяти советской эпохи

И.Е. Кознова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-109-123

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Память о прошлом является одной из несущих конструкций общества. Способствуя его ориентации во времени и пространстве, она выступает связующим звеном между настоящим и будущим. С помощью памяти общество поддерживает свою идентичность. То, что общество вспоминает либо забывает, составляет его ценностно-смысловое культурное ядро. Представляя собой репрезентацию прошлого, подвижная и избирательная, память подвергается в обществе постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности. Советский проект, нацеленный на формирование нового общества и человека, предлагал и собственный проект прошлого, конструировал свою культуру памяти. Представления о прошлом менялись вместе с изменением советского настоящего и видением его будущего. Важной составляющей культуры памяти являются коммеморации. Годовщины значимых событий и исторических личностей позволяют конкретизировать работу прошлого в настоящем, вписывать их в актуальное культурное пространство. Юбилейное прочтение классиков русской литературы в советский период связывалось с идеей освоения трудящимися культурного наследия прошлого. Нацеленные на массовое восприятие и присвоение способы и формы их мемориализации соответствовали героической матрице, игравшей основную роль в конституировании советского коллективного целого. Данная матрица, опиравшаяся на классово-партийный принцип, имела два сменявших друг друга профиля: революционно-интернациональный и национально-патриотический. На советский период пришлось несколько значимых дат памяти И.С. Тургенева. Чествование писателя подчинялось названному канону. Творчество Тургенева осмысливалось прежде всего с точки зрения его общественного значения в контексте как собственно тургеневской эпохи, так и советской. Его многозначный потенциал рассматривался преимущественно в двух ракурсах — служение революции и служение России.

Ключевые слова: Тургенев, культура, память, прошлое, идентичность, коммеморация, юбилеи, советская эпоха.

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

i.koznova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Цитирование: Кознова И.Е. (2018) Тургеневские юбилеи в культуре памяти советской эпохи // Философские науки. 2018. № 7. С. 109–123.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-109-123

Turgenev's Anniversaries in the Memorial Culture of the Soviet Era

I.E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-109-123

Original research paper

Summary

The memory of the past is one of the supporting structures of society. Contributing orientation in time and space to society, the memory acts as a connection between the present and the future. With the help of memory, society maintains its identity. What society remembers or forgets is the cultural core of its values and meanings. Being the representation of the past, versatile and selective memory is undergone to constant reorganization in the society in accordance with the demands of the present. The Soviet project, aimed at forming of a new society and a person, offered also its own project of the past, created its culture of memory. Ideas about the past changed along with the change of the Soviet present and the vision of its future. An important component of the culture of memory are the commemorations. Anniversaries of significant events and historical figures allow to organize the work of the past in the present, to enter them into the current cultural space. The anniversary reading of the classic authors of Russian literature in the Soviet period was associated with the idea of mastering the cultural heritage of the past by the working people. The methods and forms of their memorialization, aimed at mass perception and appropriation, corresponded to the heroic matrix, which played the main role in the institutionalization of the Soviet collective whole. This matrix, based on the class-party principle, had two successive profiles: revolutionary-international and national-patriotic. In the Soviet period there were several important dates in memory of Ivan Turgenev. Honorings of the writer complied with a certain canon. Turgenev's works were primarily understood from the point of view of their

social significance, in the context of both the Turgenev era and the Soviet era. Its multivalent potential was mainly considered from two aspects: the service to the revolution and the service to Russia.

Keywords: Turgenev, culture, memory, past, identity, commemoration, anniversary, Soviet era.

Irina Koznova – D.Sc. in History, Leading Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

i.koznova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Citation: Koznova I.E. (2018) Turgenev's Anniversaries in the Memorial Culture of the Soviet Era. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 109–123.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-109-123

Введение

Последние десятилетия отмечены повышенным вниманием к мемориальным аспектам культуры. На передний план вышла проблема изучения роли памяти в конструировании коллективных и индивидуальных идентичностей. Память понимается как всеобщая антропологическая универсалия, категория культуры, особый символический способ передачи и актуализации культурных смыслов в самых разных формах [Ассман А. 2014; Ассман Я. 2014]. Она представляет собой опосредованную историческим контекстом частичную и избирательную реконструкцию прошлого, предпринимаемую каждым очередным поколением. Память нуждается в закреплении специфической символикой в виде особых образов или обычаев, локализованных в пространстве и времени. Память может быть «твердой», иметь материальное воплощение (мемориалы, памятники, церемонии и т.п.) и «мягкой», носить текстуальный характер, жить в текущем публичном дискурсе [Эткинд 2004]. Обе формы памяти развивают, дополняют и подкрепляют друг друга; переходы между ними имеют ключевое значение. Независимо от способов трансляции памяти, ей присуща эмоциональная составляющая, усиливающая символическое представление общества о себе. Память может приобретать свойство «мест памяти» – особых мемориальных феноменов, суть и значение которых выявляется в коммеморации, например, в праздновании дат значимых событий и исторических личностей [Нора

2005]. Юбилей представляет собой активный коммуникативный процесс, имеет ценностно-смысловое и контекстуальное содержание, обращен из настоящего как в прошлое, так и в будущее.

В этом аспекте предлагается рассмотреть тургеневские юбилеи советской эпохи.

«Юбилейный» Тургенев перед лицом революции

Столетняя годовщина со дня рождения И.С. Тургенева совпала в ноябре 1918 г. с первой годовщиной пролетарской диктатуры и Гражданской войной. Обстановка в стране была крайне напряженной. Упрощение и огрубение повседневной жизни, ее милитаризация, распространение всевозможных форм насилия, усиление центристских тенденций, локализма, архаики, разъединяющих и без того малоконсолидированное прежде общество, поколенческий разлом, аномия – вот тот исторический фон, на который пришлось эта знаменательная годовщина. Между тем российское общество нуждалось в объединяющих скрепах. Еще сохранялась живая, коммуникативная память о писателе, и все же актуальным уже был вопрос, сохранится ли облик Тургенева и его творчество в культурной памяти после революции, станут ли они «местом памяти» советского общества.

Празднование сразу стало делом государственным – достаточно посмотреть октябрьские и ноябрьские номера газеты «Известия». Его характер определило отношение председателя Совнаркома к наследию классиков: «взять наследство и работать над ним», думать над тем, что «не отошло в прошлое, что принадлежит будущему». Общественность, имевшая с дореволюционного времени опыт чествования деятелей русской культуры, рассматривала тургеневский юбилей как повод и потребность вспомнить великого писателя и гражданина.

Чествование памяти Тургенева выразилось в целом ряде торжественных заседаний, утренников, вечеров, спектаклей и выставок – в столицах и в провинции. Оно проводилось и в культурных центрах бывшей империи – в Одессе, Тифлисе. В конце ноября в Орле был открыт музей им. Тургенева и библиотека при нем. «Общество любителей российской словесности» провело торжественное заседание, издало значительное количество популярных статей и брошюр. В празднованиях участвовали как деятели культуры, в частности, Ф.И. Шаляпин, так и простые граждане.

На вечере в Малом театре была устроена живая картина «Тургенев и созданные им образы», выступил проф. П.Н. Сакулин, опубликовавший в том же году свою монографию о Тургеневе. Можно предположить, что в выступлении он отталкивался от основных ее идей. П.Н. Сакулин соотнес жизнь и творчество писателя, во-первых, с теми социокультурными процессами, которые разворачивались на российской исторической сцене в течение столетия, во-вторых, с состоянием, переживаемым Россией после революции, обозначив его как пребывание «на грани двух культур, на роковом рубеже двух миров». Сакулин выделял три показанные Тургеневым и не потерявшие актуальности драмы. Это беспочвенность русского интеллигента; Россия в ее положении между Востоком и Западом; драма социальная, общеевропейская. И революция не только не сняла той полемики о народе и демократии, о свободе и социализме, о самобытности и тесной связи с судьбами Европы, проблем, которые волновали русское общество с 40-х гг. XIX в., но, напротив, заострила эту полемику, что делало Тургенева «драматургом» новейших социальных коллизий. Отмечаемая Сакулиным двойственность Тургенева соотносилась с ощущаемой современниками двойственной и противоречивой природой революции, включавшей в себя и переворот, и массовое движение, и проходившей почти «по Марксу» и вполне – «по Пугачеву». Осуществление («торжество») социализма в России Сакулину, вслед за Тургеневым, представлялось проблематичным, тем более в ближайшей перспективе. Ему импонировала мысль писателя, не выходившего за пределы «очередных задач момента», что для народного коллективного воспитания гораздо важнее не идеи, а «маленькие дела»: «народу нужны не вожаки, не красивые герои, а скромные культурные работники, “только полезные люди”». Возможно, в данной интерпретации содержалась скрытая полемика с ленинскими «Очередными задачами Советской власти», опубликованными весной 1918 г., хотя и Ленин был сторонником обычной «будничной работы», но – исключительно в интересах социализма [Сакулин 1918, 29–33, 57–84].

Празднование юбилея И.С. Тургенева погрузило в другую атмосферу, словно отодвинув на время тяготы революционной повседневности. По отзывам, в Петрограде тургеневские дни превратились в «большой светлый праздник русской общественной мысли» [Поляков 1919, 173].

Вспоминая через пять лет в статье «Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти)» первый литературный юбилей советских лет, один из его непосредственных участников писал: «... и в эти грозные дни железа, крови и огня не была, однако, забыта 100-летняя годовщина. Не только не забыта, но отмечена с особой любовью и тонким, нежным вниманием. Большие тургеневские дни, напомнившие кое-кому из могикан пушкинские дни 80-х годов, прошли под определенным лозунгом возвращения к Тургеневу... Россия восемнадцатого года сказала свое сильное смелое слово и решила дальнейшую судьбу Тургенева» [Н.К. 1923, 245].

Эта историческая параллель между пушкинскими торжествами 1880 г. (открытие памятника поэту в Москве) с участием И.С. Тургенева и тургеневским юбилеем, безусловно, значима. Акцентировалась не только преемственность между двумя отечественными классиками, но и надежда на сохранение той публичной сферы, которая, несмотря на тонкость своего слоя, присутствовала в до-революционной России.

Юбилейный комитет 1918 г. признал целесообразным сохранить Тургеневскую комиссию для продолжения работы по изучению жизни и творчества писателя. В ноябре 1919 г. она была оформлена в Москве под председательством П.Н. Сакулина; одновременно в Петрограде организовался научный центр под руководством А.Ф. Кони.

К пересмотру творчества Тургенева

В 1923 г. исполнялось 40 лет со дня смерти Тургенева. К этому времени возобновила свою работу в 1920 г. носившая имя Тургенева библиотека-читальня. Выступлением Б. Пастернака в 1922 г. была положена традиция «Тургеневских вторников» – литературно-музыкальных вечеров, в которых участвовал цвет литературной и театральной Москвы.

Появившиеся к годовщине публикации не только напоминали о последних днях жизни исстрадавшегося от болезни писателя. Они писали о реакции на смерть Тургенева в России и в Западной Европе, обращали внимание на данную тогда агентами российской власти оценку его общественного веса [Утевский 1923, 66–72]. А.Ф. Кони отмечал особое место Тургенева в истории нравственного развития современного ему русского общества [Кони 1923, 2]. А.В. Луначарский подчеркивал «общественное значение» Тургенева [Луначарский 1961, 134–138].

Тургенев вспоминался как писатель, обнаживший самую суть крепостного порядка – порабощение человеческой личности. Его «философия скорби» признавалась чуждой миропониманию пролетарского общества, но разделяемые писателем ценности искусства, природы, подвига мужества и самоотречения, напротив, были ценными для формирования нового мироощущения [Кубиков 1923, 37, 40–41].

Одновременно все более настоятельно звучала мысль о потребности «пересмотреть Тургенева и свое отношение к нему». Это диктовалось тем соображением, что «если мы знаем, кто нам нужен, мы должны сказать и почему он нам нужен». Высказывались соображения о возможных линиях этого пересмотра: в общем – взаимоотношение жизни и искусства, конкретнее – революции и искусства, еще конкретнее – русского революционного движения и Тургенева [Н.К. 1923, 245].

Пути «пересмотра Тургенева» хотя и пошли в дальнейшем по всем линиям, наиболее активно – по последней. В той социологизированной концепции прошлого, которая предлагалась массам в 1920-е гг., освободительный ракурс занимал центральное место, причем применительно к России меморизация касалась главным образом XIX в., концентрировавшего в себе все стороны «темного» и «проклятого» царского прошлого. В соответствии с этой концепцией и в духе господствовавшей в постреволюционную эпоху «образованщины» произведения Тургенева – «певца “дворянских гнезд”», пронизанные атмосферой «старого, отошедшего мира», «уже теперь безвозвратно исчезнувшей», стали использоваться в качестве простой иллюстрации к курсу преподаваемых в 1920-е гг. в средней школе обществоведческих дисциплин.

«Тургеневский вопрос» в годы социалистического наступления

Полувековая годовщина со дня смерти Тургенева отмечалась спустя десятилетие в кардинально отличавшихся условиях «Великого перелома», гигантскихстроек социализма, идеологического террора, разоблачения инакомыслия, повсеместного поиска врагов. Она стала поводом для нового, «более планомерного и более углубленного, чем это было до сих пор», пересмотра творческого наследия писателя в классово-партийном духе, «в свете ленинских указаний», рассчитанных на широкие читательские массы.

Отношение к произведениям Тургенева, определявшееся «потребностями нашей борьбы», было главным образом утилитарным: подчеркивалось их познавательное значение с точки зрения понимания «великого исторического пути народа». Реализм Тургенева, как сильную сторону творчества писателя, следовало использовать в интересах строительства социализма. Например, показать, что у советской детворы совсем другие заботы, нежели у героев «Бежина луга» – борьба с «расхитителями социалистической собственности» (как у героя эйзенштейновской экранизации рассказа).

Когда социалистическому реализму была приписана «органическая связь искусства с действительностью», буржуазному либерализму в лице Тургенева было в ней отказано, а гуманистическая сторона тургеневского реализма стала игнорироваться. Перед марксистской критикой и литературоведением ставилась задача вновь и вновь развенчивать «буржуазную апологетику» писателя как художника «вечных», «общечеловеческих» эмоций [Малахов 1933, 139].

Если десятилетием ранее речь о политических предпочтениях Тургенева велась главным образом в русле их констатации, то в начале 1930-х гг. взгляды Тургенева подвергались агрессивным оценкам, совсем в духе проводившихся тогда политических чисток и квалифицировались как «классово враждебные нам» [Адамович, Уварова, 6–7]. На писателя обрушился буквально шквал обвинений в идеализме, реакционности, «антиисторическом нигилизме в отношении народа», контрреволюционности [Векслер 1933, 140–151; Федосеев 1933, 205–211].

Подобная постановка «тургеневского вопроса» вызвала критику со стороны активного участника революционного движения, советского партийного и государственного деятеля, историка, в 1924–1934 гг. директора Музея революции С.И. Мицкевича. Сам не свободный, разумеется, от классовых оценок, он тем не менее задавался вопросом: «Кому помогал Тургенев своими произведениями – контрреволюционному либерализму или демократической революции?» Свой приход в революцию Мицкевич обосновывал, в частности, огромным влиянием на него произведений писателя («Тургенев дал мне сильный толчок»). Символически взвешивая их на весах, Мицкевич делал вывод, что чашка «за революцию» значительно перевешивает, и, значит, в оценке общественно-исторической роли произведений Тургенева были

правы народовольцы, полагавшие, что Тургенев бессознательно для самого себя сочувствовал и даже служил революции [Мицкевич 1934, 186].

Русское культурно-историческое наследие в свете тургеневских годовщин

До 1938 г. тургеневские юбилеи находились вне поля зрения центрального печатного партийного органа, и только 3 сентября 1938 г. в «Правде» впервые появилась небольшая публикация о Спасском-Лутовинове, приуроченная к дню памяти Тургенева, который был назван «одним из великих русских писателей, составляющих славу народа». Именно тогда началось восстановление родовой усадьбы писателя. На поминальную дату откликнулась заметкой об орловском музее и «Комсомольская правда» в номере от 28 августа.

Изменения, повлекшие за собой новую переоценку Тургенева, были связаны с изменениями политики прошлого во второй половине 1930-х гг., ориентированной на русское историческое наследие, по отношению к которому революционно-освободительное наследие заняло подчиненное положение. Партийность и классовость были потеснены другой парой понятий, таких как народность и патриотизм, причем сохраняя от дореволюционной традиции государственную (державную) форму, патриотизм теперь приобретал советское содержание. Наряду с русской историей русская классика рассматривалась теперь в качестве символа национальной идентификации. Школы перешли от использования литературы для иллюстрации социологических теорий к обучению по утвержденному списку отечественных и зарубежных классиков, в который включался и Тургенев.

Двойная тургеневская годовщина (120 лет со дня рождения и 55 лет – со дня смерти) была поводом принять великое наследие писателя, давая тем самым его «справедливую оценку», разумеется, с определенной поправкой, имея в виду главенство метода соцреализма. Это означало, что в стране складывалась когорта, готовая и способная это сделать. В течение 1938 г. посвященные Тургеневу статьи и заметки появились в журналах, ориентированных на самые разные группы населения – на красноармейцев, общественниц, сельских корреспондентов и др. Ставилась цель «охватить» тургеневской темой каждого трудящегося. Имя Турге-

нева прочно входило в советские энциклопедии. Особое значение придавалась сохранению памяти о писателе на орловской земле.

Созданные Тургеневым образы рассматривались не только как исторические в полном смысле слова, но и как сохранившие свое художественное значение «по сию пору» – как связанные с эпохой и выходящие за ее пределы. Ценность творчества Тургенева виделась в присущем писателю особом чувстве нового, в широком изучении жизни, поэтому оно оказывалось не только «полезным» советскому человеку, но и могло волновать его. Теперь тургеневский благородный гуманизм, его приверженность к лучшим традициям европейской демократии и тесные связи с западноевропейской культурой выдвигались на первый план. Тем не менее, избирательный классово-партийный подход к творчеству Тургенева сохранялся. Так, только написанные до начала 1860-х гг. произведения представлялись наиболее ценными с идейной и художественной стороны. Писателя продолжали включать в ряды «принципиальных противников передовой русской общественной мысли», к которой относили исключительно революционных демократов [Еголин 1943, 4; Пигарев 1938, 22–24].

Параллельно в советской мемориальной культуре сложился канон юбилейного прочтения того или иного отечественного писателя-классика. Показательно, что в контексте коррекции представлений о прошлом тургеневское творчество осмысливалось тогда по той же схеме, что и пушкинское или, например, лермонтовское: их кодами были гражданственность, патриотизм и народность, хотя более всего у самого Тургенева вызывали скепсис подделки под народность.

Тургеневские русскость и патриотизм были особенно подняты на щит в годы Великой Отечественной войны, в частности, в 1943 г., в год, на который вновь приходились сразу две юбилейные даты – 125 лет со дня рождения и 60 лет со дня смерти писателя. И его идеалы, его «светлая мечта о торжестве русского народа, надежда на славное будущее родины» адресовались прежде всего советскому юношеству. Именно молодежная периодика в виде газеты «Комсомольская правда», журналов «Костер» и «Пионер» откликнулась на юбилей, выдвинув на первый план «тургеневское любовное отношение ко всему русскому» – народу, языку, природе; подчеркивая тургеневское восхищение современной ему передовой молодежью; проводя параллели между его литературными героями и теми, кто совершал подвиги на фронте и в подполье.

Неоднократно в годы войны и после нее повторялась мысль об оправдавшемся предвидении Тургенева относительно упадка высокой культуры Германии, превращения ее в агрессора, деградациии немцев.

Творчество Тургенева использовалась для борьбы с «низкопоклонством» перед иностранцами. Кстати, на послевоенные годы пришелся столетний юбилей публикации «Записок охотника» (1952). Подвергалось сомнению «западничество» писателя, представления о нем объявлялись ложными; этот термин расшифровывался как выражение космополитизма. Тургенев виделся прежде всего критиком «загнивающего» буржуазного Запада, «представителем самобытного прогрессивного русского реализма» [Бернштейн 1951, 23–30]. Важно подчеркнуть, что подобные утверждения адресовались школьным учителям.

Историческое и актуальное в тургеневском творчестве: взгляд из «шестидесятых»

Чествования Тургенева в 1958 г. (140 лет со дня рождения и 75 лет со дня смерти) и в 1968 г. (150 лет со дня рождения) можно рассматривать как единое целое. В них поддерживалась преемственность с предыдущими юбилейными прочтениями применительно к основному постулату: нельзя глубоко знать историю России середины XIX в., не зная сочинений Тургенева. В эти годы завершилось восстановление тургеневского дома в Спасском-Лутовинове. В 1958 г. проводилась научная тургеневская сессия в Орле, в 1968 г. – торжественное заседание в Большом театре. На это время приходится наибольшее число экранизаций тургеневских произведений. Подобные формы «твердой» и «мягкой» памяти свидетельствовали об упрочении Тургенева в культурной памяти общества.

На обоих тургеневских юбилеях лежал отпечаток октябрьских знаменательных дат – 40-летия и 50-летия советской власти. Тогда эпоха, в которую жил и творил писатель, во многом отошла на второй план в мемориальном отношении; была востребована романтизированная героика революции. Даже столетие манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости оказалось незамеченным. Однако связь тургеневского творчества с революционно-освободительным движением все же пытались установить вновь. Литературные образы писателя рассматривались в историческом смысле как «побудители, предтечи, которые

через революционную демократию, через народничество все же докатились до рубежа столетия, и дальний ропот их услышали пролетарские революционеры» [Сергованцев 1968, 7].

И все же представлялось, что между той современностью, в которой советским людям во имя коммунистического грядущего, казалось, покоряется пространство и время, и эпохой Тургенева – громадная пропасть. В темпоральном масштабе столетие увеличивалось в десятки раз: «Россия, какой она была 100 лет назад, какой ее знал Тургенев, изменилась так, как она не изменялась, может быть, за тысячу лет до него» [Еремин 1968, 4]. Главное, что эпоха Тургенева осталась позади, жизнь разрешила вопросы, которые тревожили писателя и его героев, и все, что встречалось на первом плане его произведений, «безвозвратно ушло в прошлое». Свершенное и свершаемое призвано было подтвердить «стойкий исторический оптимизм Тургенева» [Сергованцев 1968, 7].

Присущая этому периоду атмосфера воодушевления и подъема создавала пафосный настрой тургеневских юбилеев. В духе времени Тургенев провозглашался «нашим современником»: ведь он был чуток ко всему новому, улавливал современность в ее движении. Раздумья писателя о человеке, о любви и ненависти признавались близкими для людей 1960-х. Представленные Тургеневым *очертания новой личности*, поднявшейся над прошлой действительностью, бросившей ей вызов (пусть не делом, но словом) были созвучны настроениям тех лет [Еремин 1968, 4; Сергованцев 1968, 7].

Характерно немалое число публикаций, посвященных изменению облика деревни в тургеневских местах; писалось об отсутствии «прежнего смирения и патриархального доброжелательства к жизни», о сельской молодежи, живущей «насыщенной современной жизнью». Прослеживались судьбы потомков героев «Записок охотника», испытывавших гордость за свои семейные корни. В 1968 г. в деревне Хоревка было 18 дворов и 9 телеантенн, ныне ее уже нет на картах. Действительно сельская Россия менялась под влиянием урбанизации, активизировались миграционные потоки в города, истончался традиционный уклад жизни. Тургеневские знаменательные даты конца 1950-х – конца 1960-х гг. совпали с оформлением «деревенской прозы»: из «среды памяти» деревня превращалась в «место памяти». Да и дворянство становилось «местом памяти», а не забвения.

Уже названные тургеневские юбилеи выделяли ведущее тургеневское начало «русскости», включавшей такие понятия, как «родина», «природа», «народ». Акцент на этих аспектах его творчества усилился к 100-летней годовщине со дня смерти Тургенева (1983), что совпало с поисками идентичности в российском обществе [Басманов 1983, 10]. Символическая вечность России тем самым обеспечивала и символическое бессмертие одного из ее любимых писателей – поэта и художника, ее воспевавших.

Выводы

Рассмотрение тургеневского творчества сквозь призму юбилеев и годовщин писателя, отмечаемых в советскую эпоху, дает возможность понять его значимые для советской культуры аспекты и стороны, показать механизмы мемориального конструирования. Позиционируя «юбилейного» Тургенева как «нашего современника», культурная память на разных этапах советского общества расставляла свои акценты подобного видения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адамович, Уварова 1932 – *Адамович О., Уварова Г.* Тургенев-драматург. К 50-летию со дня смерти // Рабочий и театр. 1932. № 26.

Ассман А. 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Ассман Я. 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Басманов 1983 – *Басманов А.* Кругом Россия // Огонек. 1983. № 37.

Бернштейн 1951 – *Бернштейн И.А.* Тургенев – критик буржуазного Запада // Литература в школе. 1951. № 4. С. 23–30.

Векслер 1933 – *Векслер И.* Тургенев и политическая борьба 60-х годов // Литературный современник. 1933. № 9.

Еголин 1943 – *Еголин А.* Великий писатель-патриот // Комсомольская правда. 1943. № 180. 11 ноября.

Еремин 1968 – *Еремин И.* Сын времени // Комсомольская правда. 1968. № 260. 5 ноября.

Кони 1923 – *Кони А.Ф.* Вдумчивый созерцатель // Литературный еженедельник. 1923. № 36.

Кубиков 1923 – *Кубиков И.* И.С. Тургенев. 40 лет со дня смерти. Город и деревня. 1923. № 5. С. 37–41.

Луначарский 1961 – *Луначарский А.* Лекция о Тургеневе / публ. и коммент. Вал. Щербины // Русская литература. 1961. № 4.

Малахов 1933 – Малахов С. Творческое наследство И.С. Тургенева // Литературный современник. 1933. № 9.

Мицкевич 1934 – Мицкевич С. Тургенев и революционное народничество // Литературный критик. 1934. № 9.

Н.К. 1923 – Н.К. Тургенев и мы // Сибирские огни. Новосибирск. 1923. № 5–6.

Нора 2005 – Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Пигарев 1938 – Пигарев К. Иван Сергеевич Тургенев // Огонек. 1938. № 32/33.

Поляков 1919 – Поляков А. С. Речь на торжественном заседании в память столетия рождения И.С. Тургенева в Александринском театре 10 ноября 1918 г. // Бирюч петроградских государственных театров. 1919. № 13–14. Февраль.

Сакулин 1918 – Сакулин П.Н. На грани двух культур. И.С. Тургенев. – М.: Миръ, 1918.

Сергованцев 1968 – Сергованцев Н. Иван Тургенев. 1818–1968 // Огонек. 1968. № 46.

Утевский 1923 – Утевский Л.С. Смерть Тургенева. 1883–1923. – Пг.: Атеней, 1923.

Федосеев 1933 – Федосеев Г. О реализме Тургенева. К 50-летию его литературной деятельности // Октябрь. 1933. № 10.

Эткинд 2004 – Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revoluciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca>

REFERENCES

Adamovich A., Uvarova G. (1932) Turgenev as a Playwright. The 50th Anniversary of the Death. *Rabochiy i teatr*. 1932. No. 26 (in Russian).

Assmann A. (2014) *Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* (Russian translation: Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014).

Assman J. (2004) *Cultural Memory: The Writing, Past Memory and Political Identity in the High Cultures of Antiquity* (Russian translation: Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004).

Basmanov A. (1983) The Terms of Russia. *Ogonek*. 1983. No. 37 (in Russian).

Bernstein I.A. (1951) Turgenev as a Critic of the Bourgeois West. *Literatura v Shkole*. 1951. No. 4, pp. 23-30 (in Russian).

Egolin A. (1943) A Great Writer-patriot. *Komsomolskaya Pravda*. 1943. November 11. No. 180 (in Russian).

Eremin I. (1968) Son of Time. *Komsomolskaya Pravda*. 1968, November 5. No. 260 (in Russian).

Etkind A. (2004) A Hundred Years of Revolution: Anniversary of Beginning and the Beginning of the End. *Otechestvennye Zapiski*. 2004. No. 5. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca> (in Russian).

Fedoseev G. (1933) About Turgenev's Realism. To 50 Anniversary of His Literary Activity. *Oktyabr*. 1933. No. 10 (in Russian).

Koni A.F. (1923) Thoughtful Contemplator. *Literaturny ezhenedelnik*. 1923. No. 36 (in Russian).

Kubikov I. (1923) I.S. Turgenev. 40 Years from the Date of Death. *Gorod i Derevnya*. 1923. No. 5, pp. 37-41 (in Russian).

Lunacharsky A. (1961) Lecture on Turgenev. *Russkaya Literatura*. 1961. No. 4 (in Russian).

Malakhov S. (1933) Turgenev's Creative Legacy. *Literaturny Sovremennik*. 1933. No. 9 (in Russian).

Mitskevich S. (1934) Turgenev and Revolutionary Populism. *Literaturny Kritik*. 1934. No. 9 (in Russian).

N. K. (1923) Turgenev and We. *Sibirskie Ogn'i*. 1923. Nos. 5-6 (in Russian).

Nora P. (2005) The Global Celebration Memory. *Memory About War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (in Russian).

Pigarev K. (1938) Ivan Sergeyevich Turgenev. *Ogonek*. 1938. No. 32/33 (in Russian).

Polyakov A.S. (1919) Speech at the Solemn Meeting in Memory of the Centenary of the Birth of I.S. Turgenev in Alexandrinsky Theater on November 10, 1918. *Biryuch Petrogradskikh Gosudarstvennykh Teatrov*. 1919. Nos. 13-14 (in Russian).

Sakulin P.N. (1918) *On the Brink of Two Cultures. I.S. Turgenev*. Moscow: Mir (in Russian).

Sergovancev N. (1968) Ivan Turgenev. 1818–1968. *Ogonek*. 1968. No. 46 (in Russian).

Utevsky L.S. (1923) *The Death Of Turgenev. 1883–1923*. Petrograd: Atenev (in Russian).

Veksler I. (1933) Turgenev and Political Struggle 60 years. *Literaturny Sovremennik*. 1933. No. 9 (in Russian).